

большое количества материала было вывезено из страны в Европу, Россию и Японию. Экспедиции, снабженные сопроводительными документами и китайской охраной, беспрепятственно передвигались по стране. Об этом свидетельствуют документы из Архива Синьцзян-Уйгурского автономного района, опубликованные в статье Жун Синь-цзяна «Русские экспедиции и китайские власти в конце XIX — начале XX века» (с. 219–227).

Таким образом, сборник статей «Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века» в полной мере отражает собирательскую и научную деятельность российских ученых. Он снабжен большим количеством иллюстративного материала — воспроизведение архивных фотографий, рукописей, карт, предметов прикладного искусства. Фотографии для издания были профессионально выполнены фотографом С.Л. Шевельчинской.

Следует особо отметить, что книга подготовлена на русском и английском языках и снабжена указателями имен и географических названий. Наличие двух редакций текстов статей позволяет значительно расширить круг читателей. Настоящий сборник является первой книгой, обобщающей основные достижения российских ученых в области собирательства и изучения центрально-азиатских материалов. В нем представлены работы современных петербургских востоковедов и их зарубежных коллег.

Т.А. Пан

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Маньчжурская тематика не является новой в отечественном и мировом востоковедении. В конце XIX — начале XX в. в Санкт-Петербургском университете трудилась плеяда крупных маньчжуроведов, на факультете восточных языков обучались отечественные специалисты по Маньчжурии. Азиатский музей стал хранилищем литературы и рукописей на маньчжурском языке. Широко осуществлялись сравнительные исторические исследования в области тунгусо-маньчжурского и алтай-

ского языкознания. В разное время в силу разных политических причин возрастал интерес к изучению проблем истории империи Цин XVII–XVIII вв., китайско-маньчжурских отношений. Значительно меньшее внимание уделялось изучению богатого собрания маньчжурских письменных памятников и культуры маньчжурского этноса.

Отсюда совершенно очевидно актуальность научного исследования Т.А. Пан, посвященного изучению маньчжурских письменных памятников как источника по истории и культуре империи династии Цин, вследствие того факта, что она, хотя и была маньчжурской, все-таки управляла Китаем, а потому стала объектом исследования прежде всего синологов, которые незначительно, а то и вовсе не учитывали многочисленные ценные маньчжуроязычные источники, особенно после низвержения иноземной династии в период Синьхайской революции и в последующее время. Поэтому давно ощущалась потребность в привлечении именно маньчжурских источников и литературы для полноты и объективности результатов научных исследований.

Знакомство с монографическим исследованием Т.А. Пан позволяет сделать однозначный вывод о том, что в данном случае отечественное и мировое востоковедение, в первую очередь маньчжуристика, обогатилась ценным обобщающим трудом, во всей полноте раскрывшим ценность маньчжурских письменных памятников как важнейшего источника для изучения истории и культуры империи Цин XVII–XVIII вв. Для этой цели Т.А. Пан весьма удачно разработала и определила структуру своей монографии. Прежде всего, следует признать, что она проделала сложную и огромную работу по выявлению в востоковедных хранилищах маньчжурских рукописей и киелографов. Эти тексты, среди которых очень много уникальных, практически впервые в маньчжуроведении столь широко вводятся в научный оборот.

Рассмотрев историю формирования и изучения маньчжурских текстов, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН, Национальной библиотеке и Музее Гиме в Париже, Т.А. Пан, привлекая громадный фактический материал, подробно характеризует маньчжурские источники по истории династии Цин, по профессиональной ситуации,

приводит самые разнообразные сведения о грамматиках и хрестоматиях собственно маньчжурского языка.

Как несомненную заслугу Т.А. Пан следует отметить прекрасное знание маньчжурских архивных материалов в различных странах Европы, включая Россию, их публикаций на европейских языках, привлечение которых значительно расширят источниковедческую базу маньчжуроведения как науки.

Несомненно ценным и весьма перспективным в научном плане, особенно для исследователей истории и этнографии Китая, является вывод автора о том, что цинский период в истории Китая является подтверждением тезиса о взаимном обогащении и дополнении двух мощных культур в условиях сосуществования, как это неоднократно бывало в истории Китая, начиная с древних времен. Несмотря на то, что маньчжурская культура синтезировала определенные элементы китайской (ханьской) культуры, в ней отчетливо вырисовываются маньчжурские этнические особенности.

В книге дается анализ не только общих, но и некоторых конкретных вопросов истории империи Цин, в частности, исправлена ошибка В.В. Горского относительно имени второго маньчжурского императора: вместо Абахай — Хун Тайчжи в соответствии с маньчжурской традицией. Большой интерес для этнографов представляют проведенные автором исследования религиозных текстов на маньчжурском языке и роли шаманизма с его верховным божеством Абкай эдури (Духом Неба).

Этническая самоидентификация маньчжуров в первую очередь была связана с шаманизмом, знанием родного языка, а также с определенными хозяйственно-культурными навыками. По мнению Т.А. Пан, шаманизм, а также умение стрелять из лука (с колена и с лошади на скаку) и говорить по-маньчжурски следует признать обязательными этническими характеристиками маньчжурского этноса еще в период правления первых цинских императоров. Следует, однако, отметить, что уже в конце XVI в. частью маньчжурской традиционной культуры в определенной степени стал буддизм, причем настолько естественной ее составляющей, что элементы буддистской культуры прочно вошли в самосознание маньчжуров.

Весьма интересен вывод автора о создании к концу XVIII в. тезауруса китайской культуры на маньчжурском языке, т.е. своеобразной цинской культуры, представляющей собой синтез культур различных народностей страны, прежде всего маньчжурской и ханьской, а также монгольской, тибетской и уйгурской. В этой связи целесообразно вспомнить о традиции формирования и существовании самоназвания населения страны по названию правящей династии, в данном случае династии Цин — цин жэнь.

Монография Т.А. Пан является оригинальным, самостоятельным научным трудом, представляющим огромный научный интерес для историков, этнографов, лингвистов. Несомненно, он займет свое достойное место в истории отечественной науки и станет незаменимым пособием и источником для дальнейшего изучения определенного периода истории Китая.

А.М. Решетов

Asiatische Studien. Études Asiatiques, LXII-3-2008, Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft, Revue de la Société Suisse — Asie. Documentary Letters from the Middle East: The Evidence in Greek, Coptic, South Arabian, Pehlevi, and Arabic (1st–15th CE). Ed. by Mira Grob E., Kaplony A. — Bern–Berlin–Bruxelles–Frankfurt am Main–New York–Oxford–Wien: Peter Lang, 2008.

Данный выпуск журнала «Asiatische Studien / Études Asiatiques» (Азиатские исследования), издаваемого Швейцарско-Азиатским обществом (Берн, Швейцария), где публикуются научные исследования по истории Азии на немецком, французском и английском языках, подготовлен Е.М. Гроб и проф. А. Каплони (оба из Цюриха). В него включены статьи, в которых представлен анализ документальных источников I–XV вв., а именно официальных и частных писем, написанных на греческом, коптском, южноаравском (*саба*), пехлевийском и арабском языках на Ближнем Востоке.

Статья Р. Луизелли (R. Luiselli, Флоренция) «Греческие письма на папирусе первых восьми веков: обзор» (Greek Letters on Papyrus First to Eighth Centuries: A Survey) посвящена